

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

ГОГОЛЬ БЕССМЕРТЕН

“Что не проза, то поэзия...”

Однажды поздно вечером в издательство “Молодая гвардия” ко мне заглянул посетитель. Я устал, беседовать не хотелось, и я сказал ему: “У нас прозой занимается главный редактор...” Он не уходил: “Да я о поэзии”. — “Ну, и поэзией он тоже занимается...” Посетитель многозначительно посмотрел на меня и изрёк: “Что не проза, то поэзия. Что не поэзия, то проза. Чем же Вы занимаетесь?” Я захохотал ехидному остроумию, пригласил его садиться. Мы разговорились, это был известный поэт, эпиграмматист и, как оказалось, насмешник Николай Глазков. Многое ему сходило с рук. Фронтовик, воевал, насмехался над немцами, союзниками, да и над нашими порядками. Одну из последних его язвительных шуток в советское время запомнил.

*Если бы кто-нибудь мне сказал:
“Водку не пей — коммунизм начнётся”, —
Я только бы губы свои покусал,
Я б только подумал: “Мне это зачтётся”.*

*И чтобы, как в русское небо,
Французские девушки смотрели ввысь,
Я б не пил, не пил и не пил,
А потом бы не выдержал и выпил за коммунизм!*

Подтрунивание над собой было частью его облика:

*С чудным именем Глазкова
Я родился в пьянваре,
Нету месяца такого
Ни в каком календаре.*

Любил Коля побывать в “Молодой гвардии”, тем более что Николай Старшинов не пил — ему доставалось больше.

В России, опаздывая, успеваешь

В конце 80-х годов делегация Союза писателей была послана в город Кологрив Костромской области для открытия мемориальной доски на доме, где родились и жили два замечательных русских писателя: Владимир Максимов и Сергей Марков. Первый выпустил более десяти книг о русской народной жизни, быте, тюрьме, сельском хозяйстве. Его книга “Русские слова и афоризмы. Крылатые слова” с пословицами, поговорками и выражениями долго была у меня в библиотеке любимой. Сергей Марков – эрудит, знаток истории и географии – писал о громадных российских просторах. Все мы гонялись за его книгой о Севере – “Юконский ворон”, – да и поэт он был знатный.

И вот в этой глуши (а Кологрив расположен в самой дальней части Костромской области и ещё километров за тридцать от железной дороги) в делегации с нами был известный книголюб, писавший о русских народных промыслах, знаток Хохломы и Мстёры Евгений Иванович Осетров. Человек уважаемый, он всё время нас подгонял и беспокоился, чтобы мы никуда не опаздывали.

Доску открыли, сели на специальный автобус, который нас должен был отвезти на станцию. Автобус, конечно, ломался, шофёр, чертыхаясь, чинил его, дорога была разбита, шёл дождь. Евгений Иванович, слегка грассируя, обращался ко мне, выговаривая: “Ну, почему у нас, Вагений Николаевич, такие плохие догоги?” Ну, не объяснять же Евгению Ивановичу, почему... И я, чтобы не вступать в полемику, сказал: “Вот поэтому они (враги) нас и не завоевали!” Евгений Иванович опешил, ему как русскому патриоту это показалось убедительным, но он не сдавался: “Ну, хоть автобус можно починить?” Я соглашался, но чувствовал, что мы безнадежно опаздываем, и, чтобы успокоить Евгения Ивановича, сказал: “Ну, в России всё может случиться”. Но не случилось. Когда мы бросились к железнодорожной кассе, то понимали, что опоздали, а гордая и неприступная кассирша с некоторым торжеством сказала: “А что вы думаете, поезд вас ждать будет? До следующего поезда целые сутки...” Кассирша, переждав шок и видя нашу растерянность, продолжила: “Ладно, поезд задерживается на два часа, давайте деньги”. Восторгу нашему не было конца, а Евгений Иванович сказал мне, бросив грассировать: “Да, в России всё может случиться. Даже опаздывая, ты всё равно можешь успеть!”

“Хлопцы, та куда ж мы идемо?”

Осенью 1955-го мы, 5-й курс Киевского университета, возвращаемся с месячной уборки кукурузы в Николаевской области. Студенческая компания была шумная, весёлая, балагурила, на каждой станции, где останавливались, плясали, пели, вовлекая в свою толпу зрителей. На станции Знаменка к нам присоединился какой-то дед, вместе с нами вытанцовывал и пел, вместе побежали садиться в общий вагон. Он и там продолжал петь. Едем, смотрим в окошко, он вдруг закричал: “Хлопцы, та куда ж мы идемо? Мне ж в другую сторону!”

Так и хочется иногда вскричать: “Хлопцы, та куда ж мы идемо?!”

“Мы так вас долго ждали...”

Летевшие из Ростова в 1967 году в Вёшенскую молодые писатели говорили об одном, наверное, придуманном, но с большим вдохновением рассказанном Феликсом Чуевым случае. Лариса Васильева, Юрий Сбитнев, Олжас Сулейменов и другие писатели первым выпустили из самолёта Василия Белова как молодого и самого авторитетного среди них. Василий Иванович, надо признать, здорово был похож на последнего императора России Николая Второго. На сельском травяном аэродроме гостей встречали. Многие старики стояли в привычной одежде: казачьих пиджаках, в галифе, естественно, без лампасов, в шерстяных домашних носках и в галошах. И они, по словам Феликса, увидев выходящего из самолёта Белова, пали на колени, восклицая: **“Мы так долго ждали Вас, Ваше Величество!”** Ну, а как же им ещё было встречать императора, которому давали присягу?

“Держите карманы и штаны”

И ещё одна весёлая история, о которой рассказывал Юрий Мелентьев (тогда – работник ЦК КПСС, а затем – министр культуры России). Когда они летели в маленьком четырёхместном чешском самолётике впереди нас из Ростова в Вёшенскую, Юра Гагарин в приказном порядке велел лётчику передать ему штурвал. Тот слабо сопротивлялся, но кто же откажет Гагарину! Оглянувшись назад, Гагарин сказал: “Ну, теперь держите карманы и штаны”. А в самолёте сидели Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов, представитель отдела культуры ЦК партии Юрий Мелентьев и главный редактор журнала “Знамя” Вадим Кожевников. Те не очень поняли, что он хотел сказать, но когда он заложил вираж и “мёртвую петлю”, хвататься за карманы было поздно: оттуда посыпалась всякая мелочь, правда, говорят, брюки остались сухими.

Когда из Вёшенской Гагарин улетал вместе с Павловым вручать орден Комсомольску-на-Амуре, мы махали ему руками, а самолётик снова совершил “мёртвую петлю” и качнул нам крыльями, прощаясь. Шолохов покачал головой и сокрушённо, но с любовью сказал: “Ну, Юра, его не удержишь”.

“...Ну, еще двести!”

Особым успехом пользовались армейские истории, чаще всего они касались выпивки или женщин. Наш друг полковник Олег Зинченко, кандидат в члены бюро ЦК ВЛКСМ, рассказывал, как громадный и высоченный маршал Якубовский распекал офицеров за то, что они много пьют.

- Ну, взял свои пятьсот грамм, и хватит!
- Двести, двести, – подсказывает адъютант удобоваримую дозу и норму.
- Ну, ещё двести, – закончил маршал под одобрение зала.

“А кто привык фужерами...”

С представительной группой писателей мы оказались в тогда ещё советском Севастополе. Выступили на кораблях, в Доме офицеров. Командующий эскадрой дал приём на корабле. В кают-компании стояли закуски, были выстроены фужеры, лежали приборы. Адъютанты разливали коньяк по рюмкам. Командующий с некоторой опаской оглядывал поэтов и прозаиков, постигая их сущность, и уже без особого смущения обратился к нам: **“Товарищи писатели, а если кто привык фужерами, то пожалуйста – фужерами!”** Да, удалую славу в глазах моряков завоевали писатели...

“Не будем мешать товарищу работать”

Леонид Ильич Брежнев приехал в Новороссийск, направляясь в Крым на отдых. Его встречали секретарь крайкома, секретарь горкома, председатель горсовета и командующий флотом. Встреча была короткой по времени, проехали на Малую землю, показали памятник малоземельцам и зашли в здание морского вокзала, где у причала стоял правительственный катер, который должен был отвезти высокого гостя в Ялту. В комнате гостей стояли разного рода кубанские угощения и наполненные рюмки ароматного коньяка. Секретарь крайкома гостеприимно приветствовал гостя и предложил тост за Генерального секретаря. Налили по второй и предложили за героев Малой земли. Выпили по третьей, конечно, помянув город и край. Вдруг Леонид Ильич, что-то заметив, обратился к командующему флотом: “А Вы почему не пьёте?” Тот смутился и, запинаясь, сказал: “Да я на работе, Леонид Ильич!”. Брежнев, державший в руке наполненную рюмку, бросил её на пол и сказал: “Всё, поехали, не будем мешать товарищу работать!” И пошёл на катер. Командующий слёг, и только, говорят, вмешательство Устинова спасло его от большого гнева. А мы во многих случаях вспоминали эту полновесную фразу: **“Не будем мешать товарищу работать!”**

Три часа думать о народе

Леонид Максимович Леонов – крупнейший русский писатель второй половины XX века. Чего стоит один только его роман “Русский лес” с самым распространённым типом интеллектуального стяжателя Грацианского, обозначившего целое явление в нашем обществе. Я не говорю уже о его фундаментальной “Пирамиде”, которую он писал больше сорока лет. Он обладал довольно язвительным юмором. Так, он вопрошал: “Ганичев (если Шолохов обращался ко мне “Валера”, то Леонов – по фамилии), скажи, они там думают (он показывал пальцем вверх) о народе?” Я неопределённо хмыкнул: “Наверное, думают”. – “Нет, если бы они хоть раз в месяц собирались и говорили: “Сегодня мы три часа думаем о народе”, – было бы значительно лучше”. Этот вопрос, подняв палец вверх, многие и сегодня задают: **“А они там думают о народе, хотя бы три часа кряду?”**

“Доктор, я до вас!”

Во время осенней уборки кукурузы в Николаевской области, куда вывезли весь университет, мы по вечерам пытались наладить самостоятельность в местном клубе села Сергеевка. Витя Мороз играл на аккордеоне, Мила, Валя и Римма пели песни. Мы с Юрой Скрынником изображали драматических артистов. Во-первых, я прочитал стихи Беранже, которым увлекался тогда. Конечно, это было актуально в далёкой украинской деревне, особенно его стих “Мой старый фрак”. Я выступал в чёрной вельветовой курточке и трагически обращался к залу: “Мой старый фрак, не покидай меня”. Публика вряд ли знала, что такое “фрак”, но с уважением отнеслась к моей куртке, а сидевший на первом ряду человек разрыдался: оказалось, что он учитель, из старых дворян. Мы решили повеселить слушателей и сыграли чеховскую “Хирургию”. Народ развеселился, когда я, играя зубного врача, орудуя громадными плоскогубцами, вырывал у пациента (Юры Скрыника) зуб. После этого роли переменялись. Юра стал сельским врачом в белом халате, а я – посетителем. Занавес раздвинулся – его роль тут играла простыня, – и на стуле сидел погружившийся в изучение медицинских документов доктор Юра. Через некоторое время на сцене появился я, одетый в кожушок и шапку, и робко обратился: “Доктор, я до вас”. Юра, не поднимая глаз, буркнул: “Роздгайтесь”. Посетитель, то есть я, снял кожушок и шапку и снова сказал: “Доктор, я до вас”. Юра снова, но уже с раздражением повторил: “Роздгайтесь”. Посетитель снял пиджачок, рубашку, майку, в зале становилось все горячее. И когда на очередное “Роздгайтесь” я стал снимать брюки, девочки захихикали, парни захохотали, наступал момент стриптиза (правда, этого слова мы тогда не знали), доктор поднял, наконец, глаза, я взялся за трусы. А доктор спросил: “Ну, что у вас болит?” Посетитель, он же я, возвестил: “Доктор, я до вас дрова привиз”. Зал бурно хохотал – стриптиз не состоялся.

“Будете в гробу вместе с... Франко”

Отец Сергей, который иногда служил в нашем Филипповском храме, уехал в далёкую деревню Ярославской губернии. К нему туда нередко приезжал писатель Александр Сегень. Он рассказывал, как приучал к церковным обрядам прихожанок. Те спрашивали: “Батюшка, а можно не поститься?” Батюшка доходчиво объяснял: “Ну, не поститесь, не поститесь, заболете, умрёте и будете лежать вместе с Гитлером, Муссолини и Франко”. Бабушки не знали, конечно, кто такой Франко, но страх испытывали. И продолжал: “А вот если хотите с Александром Васильевичем Суворовым...”

“Всё ж таки Бог е!”

После схождения Благодатного огня в Иерусалимском храме верующие, просветлённые и радостные, выходили из храма. Вышел оттуда и мужик с Полтавщины, постоял, подумал, перекрестился и изрёк: “Всё ж таки Бог е!” Ясно, что он до этого и в церковь ходил, молился, но поистине: “Хохол не поверит, пока не побачить”. И тут, хотя Бога он не побачил, но к Вере склонился.

“Утром не похмеляемся...”

Когда я был в Антарктиде вместе с экспедицией Героя Советского Союза, полярника Артура Чилингарова, прибывшей для эвакуации команды с затёртого льдом корабля, с нами была южноафриканская команда журналистов. Было минус сорок, дул ветер, на котором можно было лежать, — такой он был упругий. Держась за канат от полярных домиков, вместе с ними я пришёл в столовую. Там было светло и радостно. Стены были оклеены обоями с белыми берёзками. Тепло, уютно, хорошо! Журналисты смеялись, шумно говорили, потом увидели у раздаточного окна кухни какой-то шикарно разрисованный текст. “Что это?” — “А это “указы” о том, как надо вести себя в столовой”. — “И как же?” Кто-то стал переводить на английский написанный по-церковнославянски шутливый текст: “А ещё кто соль рассыпал — отрубить ему десницу, а ещё кто перстами залезет в бачок с компотом — отрубить тому персты, а потом отсечь голову”. Журналисты замолчали, притихли, соль поставили на место, а от компота отказались. Вот что значит перевод! А шутка это или нет — не поняли. Кто их знает, этих русских?.. В пять часов утра, когда мы просыпались, инженер-метеоролог, выходя из домика, обернулся к нам: “А вы утром не похмеляетесь?” Отвечаем: “Нет”. Он от дверей закончил утвердительно: “Мы тоже нет”. И уже выходя, обернулся и огорченно закончил: “Потому что нечем”.

“И то...”

Владимир Алексеевич Солоухин — фигура фундаментальная в нашей литературе. Начиная с “Владимирских просёлков”, все его вещи цензоры встречали с подозрением.

В 1967 году в связи с 50-летием советской власти цензура запросила вёрстку номера “Молодой гвардии”, чтобы не напечатали ничего лишнего. Вроде всё было нормально: о войне, о тружениках, пейзажные и даже юбилейные стихи. Но в журнале “Товарищ” был помещён небольшой очерк о грибах, об их собирании, хранении, засолке. Очерк был написан Солоухиным. Цензор не поверил, что в очерке не таится подвох, прочитал два раза, вызвал меня и принялся расспрашивать: “Ну, ясно, что белые — это белогвардейцы, рыжики, допустим, анархисты, свинухи — зелёные, а мухоморы — это что или кто? Это красные?” Я сначала не понял, что он это всерьёз. Но он довольно упорно расспрашивал о творчестве Солоухина, о его последних работах и ушёл, кажется, в сомнениях: не придумала ли “Молодая гвардия” вместе с Солоухиным показать очередную фигу? А Владимир Алексеевич добродушно посмеивался и с напором на “о” говорил: “Да, ладно, пусть поищут шиш-то, а мы лисички будем жарить”.

Он был моим соседом в Переделкино, и мы часто прогуливались по улице Серафимовича. На одной из последних встреч он мне рассказал поучительную историю. Он любил приезжать в Дом творчества в Пицунде в октябре, когда большинство писателей покидало санаторий. Он приезжал, его радушно встречали. Звал обслуживающую этаж Марию Егоровну и царственно говорил: “Мария, купи, пожалуйста, две банки “Изабеллы” хорошей”. Та обычно соглашалась, но тут сказала: “Да сейчас всё ведь, Владимир Алексеевич, разбавляешь водой вино-то”. Солоухин подумал и сурово сказал: “Да ты мне своё принеси! Ты же не разбавляешь?” Мария подумала и сказала после паузы: “Нет, я — нет!.. Да и то...” Было в этом “да и то” и желание заработать, и робкая попытка признаться в грехе. Мы посмеялись. *И то...*

ВОЖДИ УЛЫБАЮТСЯ И ШУТЯТ

Фидель: “С таким тиражом я бы революцию во всём мире совершил”

Будучи в 1978 году на Кубинском фестивале, встретился я с Фиделем Кастро. Он организовал приём в большом парке, где стояли бочки с ромом, на вертелех крутились бараны, хотя, если честно говорить, кубинцы жили без излишнего достатка, но принимали нас в своих бедных кварталах радушно и гостеприимно.

На приёме у Фиделя все к нему подходили, подошёл и я. “Комсомольская правда” (я тогда работал главным). — “Знаю. Ну, что, комсомольцы на БАМ так же едут? А на целину? А песни поют так же (он запел немного фальшиво “Подмосковные вечера”)? А какой у тебя (такое обращение было принято) тираж?” — “Одиннадцать с половиной миллионов”. — “Ну, — засмеялся Фидель, — я бы с таким тиражом революцию во всём мире совершил”. Встреча длилась до утра.

Кваме Нкрума. Медведь заурчал

В 1964 году я организовал в Колонном зале Дома Союзов суд над расизмом, суд над Фервурдом (главой ЮАР), это понравилось.

В 1965 году комсомол направил меня в Гану, где проходил молодёжный конгресс на ту же тему. Руководителем страны был друг Советского Союза, один из лидеров мирового Движения неприсоединившихся стран Кваме Нкрума (наряду с Д. Неру из Индии, Сукарно из Индонезии, Г. Насером из Египта, Тито из Югославии, Ф. Кастро с Кубы).

Кваме принимал нас в белораморном президентском дворце на берегу Гвинейского залива. Мы пришли с сувенирами и подарками: механический мишка с внутренним урчанием для президента и янтарное кольцо для его жены. Всё было прекрасно. Но когда стали проходить во дворец, то начальник охраны воспротивился: все подарки оставить! Министр по делам молодёжи стал доказывать, что мы советская делегация, мы друзья Ганы, и нас надо пропустить с подарками. Начальник охраны почти согласился, но в этот момент кто-то из нас наклонил мишку, и он заурчал. Что тут было! Начальник охраны бросился на медведя и, придавив своей мощной грудью, считал, что спас президента. Тут уж никакие уговоры не помогли. Возможно, русские хотели пронести взрывное устройство!.. Мы вошли в зал, величественный Кваме Нкрума обнял меня в ответ на оправдания, что подарки задержаны в холле охраной, махнул рукой. Главное, мы осудили расизм. А на выходе увидели распотрошённого мишку, из чрева которого торчала пружина. Мы махнули рукой: хотели-то как лучше... Тут же произошёл поучительный случай: нам для обслуживания подали длинную машину “Линкольн”. Мы таких и не видели! Водитель, высокий красивый негр в белом мундире, приветствовал нас и открыл дверцу. Я сел и, как положено в нашей “Волге” того времени, с силой хлопнул дверцу автомобиля, чтобы она наверняка закрылась. “Линкольн” заходил ходуном от удара дверцы, а я уместился впереди. Водитель взглянул на меня с удивлением и насторожённой. Когда я вышел, второй раз хлопнув дверью, он уже со страхом поглядел на меня, а в третий раз, опережая мои активные действия, вскричал: “Сэр, сэр”, — и, взяв дверцу за ручку, медленно её опустил, она медленно и тихо закрылась. Чёрт их знает, что за замки придумали американцы...

“Дорогой товарищ Клика Тито”

В 1956 году мы, студенты, в Киеве впервые встречали иностранного руководителя, который проезжал в открытой машине по улицам города.

Это был президент Югославии, маршал Иосиф Броз Тито. Он был в белом маршальском костюме с орденским планками, махал нам, довольный. С ним рядом была красавица-актриса Иованка Броз Тито (говорят, потом он её арестовал). Мы размахивали флажками СССР и Югославии — великое примирение Югославии и Советского Союза состоялось (вернее, руководителей наших стран, народы-то наших стран давно испытывали дружеские и даже братские чувства). После проезда маршала состоялся, конечно, митинг. Он проходил на заводе “Арсенал”. Рабочий-передовик, которому было поручено открыть митинг, имел, безусловно, заранее написанную и проверенную в парткоме речь. Но как человек передовой, он решил в бумажку не глядеть и самостоятельно, надеясь на собственную память и политическое образование, обратился к гостям: “Дорогой товарищ Клика Тито...” С 1949 года в наших газетах имя югославского президента произносилось только в сочетании “клика Тито — Ранковича” (начальник государственной безопасности Югославии) и изображался Тито на карикатурах с кровавыми топором в руках. Не знаю, где после этого был секретарь парткома, но передовика на трибуну, ясно, что больше не выпускали.

Цеденбал: “Верблюд – самое лучшее животное”

В 1979 году в Улан-Баторе беру для “Комсомольской правды” интервью у руководителя Народно-революционной партии Монголии Ю. Цеденбала.

Я у него в кабинете. Он застыл, как древний Будда, слегка прикрыв глаза. Видно, что устал от руководства. Я задаю вопросы для проформы, секретари мне уже отдали ответы (да они, по-видимому, сами всё и написали). Подрёмывая, Юмжагийн как бы и не слушал, но как только я что-то сказал про верблюда, он востепенно, оживился и чётко сказал по-русски (его жена русская, говорят, официантка из партшколы, откуда он её привёз): “А ты не иронизируй, верблюд – самое лучшее и умное животное”. Я почти засмеялся – столь мгновенным было его преобразование, стал оправдываться, что я и не сомневаюсь, но он вызвал секретаря и сказал уже по-монгольски, как я позднее понял, чтобы меня повезли в город Далан-Дзаггад на самой границе пустыни Гоби. В город мы прилетели. Действительно, там стоял, как мне сказали, единственный в мире памятник верблюду. Потом мы съездили на стоянку верблюдовода, который нам рассказал так много хорошего про верблюдов, что мы подивились: почему мы этого не знали раньше? Тут и фантастическая польза для организма от верблюжьего молока, и тягловые достоинства, и неприхотливость верблюда, и его ум. “Это первое животное, которое тысячи лет назад приручил человек, от Саудовской Аравии до Монголии, от Африки до Азии”, – с гордостью сказал нам секретарь аймачного комитета партии, как будто он его и приручал. Верблюды же вставали и покорно ложились перед нами, даже позволили посидеть наверху, поплакала верблюдица, когда хозяин проиграл жалобную мелодию на одной струне. Мы поняли, что верблюд – ещё и музыкальное животное. Возвращаясь в Далан-Дзаггад, мы уже с почтением сфотографировались у того единственного в мире памятника верблюду. Да, прав был вождь монгольского народа: верблюд – необыкновенное и ценное животное, которое в древности соединило миры.

Брежнев: “Я больше всего люблю журнал “Охота”

В 1968 году, когда только что стал Первым секретарём ЦК Комсомола Евгений Тяжелников, состоялась встреча членов бюро с Леонидом Ильичом Брежневым, что было явлением неординарным. Проводилась она то ли для того, чтобы укрепить авторитет комсомола, то ли чтобы поддержать нового секретаря. Нас провели (по паспортам) в кабинет, мы уселись за длинным столом, середина которого была покрыта зелёным сукном. Там уже сидели секретари ЦК Демичев и Капитонов. Зашёл Леонид Ильич, дружелюбно поздоровался и спросил: “Ну, как дела, молодёжь?” Евгений Тяжелников стал рассказывать про поход по местам боевой славы, про “ленинский зачёт”, про комсомольцев-бамовцев. Да, о комсомоле немало можно было рассказать. Брежнев послушал, доброжелательно покивал, потом встал, ходил, вспомнил свою молодость и внезапно переключился на прессу, сказал, что очень любит читать наш журнал “Вокруг света” и “Технику–молодёжи”. А это уже была поддержка нашим друзьям Анатолию Никонову, только что снятому с журнала “Молодая гвардия” и назначенному в журнал “Вокруг света”. Значит, не снят был тогда Толя за прорусские настроения, а, судя по реплике Генерального, повышен. А Генсек, успокаивая напрягшихся секретарей, сказал: “А больше всего я люблю журнал “Охота”. Встреча закончилась, кое-кто на журнал “Охота” подписался.

Янаев: “Спускаться с Мавзолея ещё труднее, чем подниматься”

В 1968 году комсомол проводил на Красной площади финальную часть похода по местам боевой и революционной славы нашего народа. Молодые люди хором зачитали клятву, которая торжественно начиналась: “Здесь, у седых стен Кремля, от которых наши солдаты уходили в 1941 году в бой...” и дальше было клятвенное заверение в верности Родине. Наверху, на трибуне Мавзолея, стоял Леонид Ильич Брежнев, председатель СЕПГ Вальтер Ульбрихт и начальник штаба маршал Баграмян, а на нижней трибуне стояли диктор Левитан и группа комсомольских организаторов манифестации. Она закончилась,

и все мы стали спускаться вниз. Почему-то запомнились, хотя вроде это к нам и не относилось, слова Геннадия Янаева, тогдашнего председателя КМО (Комитета молодёжных организаций), будущего неудачника в организации ГКЧП. Он сказал: “А с Мавзолея труднее спускаться, чем подниматься”. Мы не знали: к чему это он? Неужели прозревал сквозь годы?

Чаушеску: “Если бы мы даже выпили с Брежневым рюмку цуйки, это было бы историческим событием”

Был в Румынии. Руководитель страны Николае Чаушеску, позднее расстрелянный во время вхождения Румынии в цивилизованный мир, спустился в тот раз на вертолёт на курортный пляж. Находящиеся рядом чехи ехидно сказали: “Святой Николай спустился с небес”. Он прилетел из Крыма. Журналисты задали ехидный вопрос Чаушеску: “О чём вы договорились с товарищем Брежневым?” Ежегодно все руководители соцстран прилетали в Крым, в Ялту, чтобы встретиться с Брежневым. То ли совещание, то ли смотр, то ли отдых. Чаушеску не дал журналистам повода поехидничать и твёрдо и внушительно сказал им: “Если бы мы даже выпили с товарищем Брежневым рюмку цуйки, то это было бы историческим событием”.

С тех пор мы, поднимая рюмку водки, или сливовицы, или цуйки, провозглашаем это историческим событием.

Бен Али: “Пушкин – араб”

Бывшему президенту Туниса Бен Али мы должны были вручить книгу его речей, выпущенную издательством “Держава”, стихи Игоря Ляпина, посвящённые Тунису, где он бывал, и медаль А. С. Пушкина, выпущенную Союзом писателей. Секретариат президента, ознакомившись с подарками, выразил желание, чтобы вручение было через десять дней на Всетунисском собрании интеллигенции. Нас это не устраивало: в России были срочные дела, да и средств на повторный приезд не было. Секретариат сказал, что всё оплатит, и президент хочет, чтобы медаль Пушкина вручил ему Союз писателей. Это облегчало дело, и мы дали согласие прилететь через десять дней.

Тунис тогда был процветающим туристическим государством, политику которого заложил хитроумный предыдущий президент Бургиба. Он назвал свою партию народно-социалистической, даже бывал на съездах КПСС в Советском Союзе, провозгласил Тунис социалистической державой, одновременно пользовался доверием Франции, установил дипломатические отношения с Израилем, а у себя в стране приютил Центральный штаб Палестинского фронта сопротивления во главе с Ясиром Арафатом. Тунис, несмотря на то, что в стране не было ни грамма полезных ископаемых, процветал. Тучи туристов из Англии, Франции, Германии, а также из Советского Союза, позднее – России, Украины – ехали в эту красивейшую страну. Через десять дней мы прилетели из России через Рим. Книгу, которая очень понравилась президенту, и медаль нас попросили вручить публично. С утра во дворец президента стекались солидные мужи от культуры и науки Туниса. И вот торжественный момент: подарок вручают представители парижского Лувра, затем мы. Свою книгу президент принял с почтением, а медаль Пушкина, для которой арабы сделали более красивую, обитую бархатом коробку, поправил на шею и поцеловал. Затем, отвечая на вопросы, поблагодарил писателей России и торжественно сказал: “Нам дорога эта награда, потому что великий Пушкин – араб, он из нашей Нубийской пустыни, потом его предки оказались в России”. Поправлять президента мы не стали. В конце концов, Пушкин – русский поэт, мировой поэт, многие считают его своим. За два дня до отъезда меня узнавали во всём Тунисе, мне предлагали на базаре бесплатно продукты. С чувством родства с Африкой мы отправились домой.

Хрущёв: “Мы им покажем кузькину мать!”

С Никитой Сергеевичем Хрущёвым встречаться приходилось несколько раз, иногда близко, иногда на расстоянии. Близко – на XIV съезде комсомола. Мы стояли возле Дворца съездов в Кремле, он появился внезапно: то ли из кабинета, то ли из машины. Делегаты бросились к нему, один приколол

значок из Бурятии, другие тоже потянулись, но Никита Сергеевич развёл руками, снял шляпу и сказал: “Валите туда всё!” В шляпу посыпались значки, ленточки, даже мандаты. Он зашёл во Дворец, где начинался съезд, сказал пламенное слово, оттягивая подтяжки и отпуская их с лёгким шлепком. Потом выступали многие. Запомнилось выступление Кузьмы Северинова, шахтёра из Донбасса, Героя Социалистического Труда. Кузьма знал предпочтения Хрущёва: обрушился на американский империализм, а для примирения предложил построить подводный тоннель с Аляски на Чукотку. “Давайте на это деньги, — под аплодисменты зала и хохот Хрущёва восклицал он, — а не то мы вам покажем кузькину мать!” — употреблял он в своей речи непере译имый и часто встречающийся у Никиты Сергеевича образ.

* * *

Здесь же, во Дворце съездов, я был на встрече с Джавахарлалом Неру, легендарным индийским лидером. Зал буквально кипел выкриками: “Хинди, руси — бхай, бхай”. Этот лозунг о братстве и дружбе пронизал наше общество ещё с тех пор, как фильм “Бродяга” с легендарным Раджем Капуром триумфально прошеествовал по всем сельским и городским клубам страны. Везде звучала песня: “Никто нигде не ждёт меня... бродяга-а-а я, бродяга я”.

Да, в это время Хрущёв и Булганин съездили с визитом в Индию, где их приняли как лучших друзей. Одним словом, с Индией была дружба, и Никита Сергеевич вёл вечер. Он был бодр, весел, энергичен и обратился к москвичам: “Дорогие друзья! К нам приехал наш большой друг и товарищ Джавахарал, — потом поправился, — Джавахалал, — опять поправился, — Джавахарал, — и, почувствовав, что точно не выговорит имя, махнул рукой и облегчённо закончил, — к нам приехал наш друг Неру!”

Да, имя друга не всегда удаётся выговорить.

Скаба: “Які такі проблеми?”

Секретарь ЦК партии Украины по идеологии Скаба был человек серьёзный, решительный. Он пришёл на пленум комсомола Украины и терпеливо выслушивал выступления молодых энтузиастов. А в то время (70-е годы) было какое-то поветрие, даже мода проводить всякого рода социологические исследования, ставить для изучения различные проблемы, иногда в ущерб делам практическим. Скаба слушал, слушал, а потом решительно пошёл к трибуне. Зал замолчал. Скаба выдержал паузу и сказал много раз повторявшиеся потом слова: “Проблемы! Проблемы! Проблемы! Які такі проблеми? У нас є одна проблема: побудувати комунізм”. *Побудувати комунізм* оказалось неисполнимой задачей. Но и количество социологических исследований, и постановка зыбких проблем значительно уменьшились.

Жуков: “Ваш писатель придумывает!”

На 70-летие великого маршала мы (секретарь ЦК комсомола С. Арутюнян, инструктор военного отдела В. Байбиков и я) пришли поздравить Георгия Константиновича с юбилеем. Большое начальство его ещё боялось, а издатель “Молодой гвардии” вполне сгодился. Маршал сходил переодеться, надел мундир с орденами, с удовлетворением кивал, когда в юбилейном адресе говорилось обо всех битвах, где он участвовал. Выпили по рюмке коньяка, я подарил ему новый “Тихий Дон” в одной книге. Маршал погладил его и сказал: “Любимый писатель”, — поблагодарил за антологию стихов о России “О русская земля” и оценил: “Мы на фронте любили патриотическую поэзию”. Потом был большой разговор о победе, о Сталинграде, о молодом солдате, спросили о “Блокаде” А. Чаковского. Он отозвался о ней плохо. Особенно его возмутило то место, где он прилетает в блокадный Ленинград: “Я у него, как Архангел с неба, непререкаемый авторитет, этакий громина-командир, всем об этом заявляющий. А ведь летел даже без приказа о назначении, не имел его с собой: “Собьют, дак только генерала”. А Клима я чуть ли не пинком выгонял с этого места? Чушь! Командующий-то, Ворошилов для меня — первый маршал, я его уважал”.

Позднее, когда я рассказывал об этом Чаковскому, тот свёл критику к сапогам. “Жуков – скорняк, а я написал, что у него сапоги скрипели, он и обиделся!” Да, тут приходят на ум строки: “Суди, дружок, не выше сапога”.

Дети – Ульяна выбирает счастливую пуговку

На вечере вручения премии Ушакова председатель жюри народный артист Михаил Ножкин, вручая мне диплом лауреата, заявил: “А ещё я хочу поздравить нашего лауреата: только что пришло сообщение, что у него родилась вторая правнучка!” Зал доброжелательно заплодировал, а мне-то было какво! В перерыве подошла женщина и сказала: “Вы знаете, что тому, у кого рождается правнук, отпускается половина грехов”. Я воскликнул: “А у меня же вторая!”. Она серьёзно ответила: “А у кого две, тому все сто процентов”. Да, больше грешить не стоило. Старшая правнучка Ульяна, которой пять лет, уже не раз ставила меня в тупик своими вопросами, размышлениями и планами. Вот, например, она часто просит рассказать историю из моего детства, когда мы (я, брат и мама с отцом) ехали на санях по тайге из Омска в райцентр Большеречье на Иртыше. Мне было столько, сколько ей сейчас (около пяти лет). Мы сидели, запрятанные в тулупы, высовывались, чтобы посмотреть на заснеженные ели. Мама снова затаскивала нас туда, чтобы не замёрзли. В очередной раз мы высунулись и увидели, как из леса выскочил заяц и, петляя, кинулся нам навстречу. За ним выбежала рыжая, почти красная лиса, и заяц, заверещав, прыгнул к нам в сани. Вот оно, спасенье! Куда он девался? Нас снова затолкали в тулупы. Потом мы приехали на постоянный двор (тогда были такие на дороге, ну, вроде нынешних гостиц, только деревянные, из брёвен). Лошадям навязали на морду мешки с овсом, нас загнали на полати, откуда мы с братом Стаськой, который на полтора (ну, на два) года старше меня, и поэтому был задавакой и умником, выглядывали вниз на суетящихся хозяев, которые занесли с улицы два мешка замороженных пельменей и два белых круга. Да это же было молоко – тоже замороженное! В Сибири холодильников не было. На столе пытел двухведёрный самовар. Хозяйка с мамой готовили пельмени, вырезая стаканом из раскатанного тонкого круга теста кружочки и закладывая туда мясо. Потом хозяйка громко сказала: “А сейчас сделаем три “счастливых” пельменя”. “А как?” – спросили мы. “А вот в первый мы закладываем копейку – значит, тот, кто его съест, будет богатым. Во второй – пуговку, кто его съест, будет умным. А в третий – ниточку, у того будет невеста!” Мы успешно ели со всеми пельмени и ожидали: кому же попадутся те, “счастливые”? Вдруг хозяин закричал: “Вот у меня копейка!” “Значит, будешь богатым”, – с удовлетворением сказала хозяйка. Пуговочку, конечно, почти съел старший брат Стаська – он же умный. За него тоже порадовались. А ниточка оказалась в моём пельмене. Все закричали: “Невеста”, – а я заплакал: “Не хочу невесту, хочу к маме”. Мама подошла, обняла: “Ладно, ладно, побудешь со мной!” Ульяна несколько раз просила на ночь рассказать эту историю и потом глубокомысленно заметила: “А вот мне бы хорошо пуговка попалась”. Молодое поколение выбирает не денежку, не невесту, а ум.

Футбол – моя отрада

Послевоенная школа в Камышне Полтавской области. Сельская Камышня – небольшой районный центр, школа в ней сожжена фашистами, учимся в три смены в каком-то бывшем купеческом доме. Наша третья смена начинается вечером в семь часов. Из школы идём с самодельными фонарями со стеклянными стенками и свечкой внутри. Она часто тухнет, и мы идём в потёмках по грязи. Асфальтированных дорог в селе, конечно, нет, лишь в одном месте гранитная “каменка”, то есть утрамбованные камни. Мы, четырехпятиклассные пацаны, были заядлые “книгочеи”. Обошли все дома, собрали все книги. Немного. Всего сто книг было в районной библиотеке. Всё уничтожили и сожгли немцы. Вот как заботились цивилизованные европейцы о внедрении варварства среди населения.

В селёпо вместе с хлебом и селёдкой стали неожиданно поступать книги для продажи. Там мы и приспособились по разрешению продавщицы, матери Пашки Баженова, читать, передавая книги друг другу. Чтение это про-

должалось года три-четыре. Помню, как в 1949-м или 1950-м году прочитал толстенную книгу Джеймса Олдриджа “Дипломат”. Потом уже, через тридцать лет я принимал Олдриджа в издательстве и удивился, как он смог так тщательно описать послевоенную Москву. Оказалось, бывал, и в 1944–1945-м, и в 1952-м... Он был простой парень, а перед этим чтением я представлял себе англичанина толстым, как Черчилль, и с сигарой.

Вторым нашим послевоенным увлечением после блестящих побед московского “Динамо” над англичанами со счётом 19:9 стал футбол. Поля для игры не было, мяча футбольного – тоже, старенькие сапоги разлетались от ударов. И тут нашим спасителем стал сапожник дед Жебет, у которого жил Толя Цыб (будущий академик и медицинское светило). Мы ускользали с занятий и бежали на пустырь гонять зашитый-перезашитый волейбольный мяч. Витька Лыско, щеголявший толстыми американскими ботинками, выданными ему как сыну фронтовика, даже сочинил наш гимн.

*Футбол — моя отрада.
Люблю играть в футбол,
Люблю удрать с урока
И вбить в ворота гол!*

Вот этот “удёр” с урока и привёл в результате к двойке, что вообще-то для меня было редкостью. Мама не знала, что такое *ювенальная юстиция*, отвесила мне пару “горяченьких” кушаком от вышитой рубашки, в которой я играл в школе сценку в сказке “12 месяцев”, гордо провозглашая стихи: “Я апрель, молодой и гордый, февралю и марту брат”. Она ещё и довольно внятно приговаривала при наказании: “Вот тебе, молодой и гордый”. И в наказание вместо футбола я должен был переписать за две недели всю “Капитанскую дочку”. Пушкинскую книгу я переписал и даже полюбил её с тех пор.

Если исключить первые два удара кушаком, то в ювенальную юстицию вполне можно ввести переписывание классики – не больно, но полезно.

Общее дело...

Военное и послевоенное поколение удивляло своей чёткостью, организованностью, обязательным служением общему делу.

Два случая.

В Николаеве, в здании Центрального райкома партии выделили на 3-м этаже комнатку для ветеранов. Ну, раз в месяц соберутся. Ну, два. А руководитель организации Иван Васильевич, фронтовик, с иконостасом орденов и медалей (правда, носил он орденские колодки) приходил каждый день (!), да ещё к общему рабочему времени, к 9 часам. Помню, он обгоняет по лестнице на втором этаже Светлану, которая говорит ему: “Ну, куда вы так торопитесь и бежите, Иван Васильевич?” Он отмахивается: “Опаздываю, опаздываю...” Время было без пяти девять, встреч он никаких не назначал. Да и работа у него была добровольной.

Второй случай – в Санкт-Петербурге. Замечательная Санкт-Петербургская хоровая капелла под руководством выдающегося хормейстера и дирижёра Владислава Чернушенко пригласила в город Валентина Распутина отметить его 70-летие. Хор, как всегда, чудесно пел, мы поприветствовали Валентина, и вдруг я вижу в зале 102-летнего академика, великого хирурга-пульмонолога Фёдора Григорьевича Углова. Я знал, что он до 95 лет делал операции, но что он делал тут в 102 года? Я спустился в партер, пожал ему руку и спросил: “А вы-то как тут?” Фёдор Григорьевич ответил: “Общее дело”.

Япония. Три раза изменила...

Как понимают шутку в Японии, я не знал. Но вот попал в эту далёкую страну в 1968 году, да ещё и во главе молодёжной делегации. В те времена японские коммунисты (а они были сильной партией) поддерживали маоцзе-дуновскую политику, а нас считали ревизионистами. Но с Японией надо было дружить, и Комитет молодёжных организаций послал мощную делегацию в Саппоро (в этой столице будущих олимпийских игр и проходил наш советско-японский фестиваль). В делегации был народ надёжный, красивый и разный.

Блистала и всех влюбила в себя (правда, на расстоянии) красавица, кинорежиссёр Лариса Шепитько, успокаивая твёрдых патриотов: “Да я Юхимовна, а не Ефимовна”. Вызывала восторг Лариса Голубкина (известная всем по фильму “Гусарская баллада”). Мягко втолковывала истины кино Лариса Величко. А Женя Райков, заслуженный артист Большого театра, никому ничего не втолковывал, а пел и пел, щедро одаривая японцев, да и нас тоже, своим дарованием. Играл вдохновенно на скрипке будущий дирижёр Владимир Спиваков. Да много и других достойных ребят было в делегации.

В Саппоро открывали митинг, потом – шествие по улицам, поиграли в волейбол, потом был приём с хорошим японским пивом. Я сидел за столом с крепкими профсоюзными лидерами, договорились о политике не говорить. Болтали обо всём, но хозяев не расшевелили, рассказали пару анекдотов, японцы вежливо покивали, но не смеялись: наш юмор они не принимают. Я решил под конец беседы рассказать солдатский, казарменный анекдот.

“Маша, – спросил в конце жизни муж, – скажи мне честно: ты мне изменяла? Я тебе три раза”. Маша ответила: “Ну, ничего, я тебе тоже только три раза. Один раз с Мишей, второй раз с футбольной командой, а третий – с симфоническим оркестром”.

Японцы вежливо поулыбались, а я себя покори́л за анекдот такого пошиба и пошёл танцевать вальс (который, в общем, и танцевать-то не умел). В середине танца за столом у профсоюзников раздался громкий хохот, восклицания, зовут: “Валерий, Валерий!” Подхожу. Все поднимают вверх большой палец. “В чём дело?” Японский переводчик объясняет: “В футбольной-то команде одиннадцать человек, а в симфоническом оркестре – тридцать (!)”. До японцев анекдот “дошёл”. В Японии нужно шутить чётче, доходчивее, и паторонов не жалеть.

“Цэ не нам!”

Привожу часто своим коллегам одну историю, о которой говорилось на одном из съездов партии.

Выступающий сказал, что нередко многим нужен серьёзный толчок или встряска перед необходимыми и вполне ясными действиями.

Вот, например, на вокзале сидит группа мужиков и попивает пиво. Стоит отходящий поезд. Раздаётся первый удар колокола. Мужики спокойно говорят: “Цэ не нам!” Затем раздаётся второй удар. Мужики: “Цэ не нам!” Дежурный по вокзалу в красной фуражке с беспокойством смотрит на мужиков. Раздаётся третий звонок. Мужики опять: “Цэ не нам!” Дежурный в красной фуражке закричал: “Вы... вашу так... поезд сейчас тронется!!!” Мужики закричали: “О, цэ нам”, – и побежали садиться.

Да, иногда надо встряхивать мужиков.

“Чилдренята”

В 1967 году я попал в составе группы молодых туристов организации “Спутник” на потрясающую всемирную выставку “Экспо-67”. Ходим, разинув рот, по павильонам Японии, Германии, Англии и другим. Да-а, компьютерная тема становилась в мире центральной. Были и “удивлялки”. Это электронный хоккеист на входе в павильон Канады, или занимающая экспозицию целого этажа выставка десятков кроватей и личных вещей Мэрлин Монро в павильоне США. Там же шляпы разных времён. Ошеломлял многометровый портрет Альберта Эйнштейна с высунутым языком. У израильской экспозиции, у павильона СССР грандиозная очередь. Гордимся, стоим, там же познакомились с земляками с Волыни, родители которых уехали в Америку ещё до Второй мировой войны. Они говорят на смеси английского, русского и украинского. Мы поехали к ним в гости в Виннипег и по дороге наслаждались и потешались этой смесью слов. Раздобревшая канадка (бывшая украинка) в дороге кричала: “Джонку, зачини викно, а то чилдренята залякнут”. Это, по-видимому, должно было означать: “Иванку, закрой окно, а то детки помёрзнут”. С тех пор я звал своих ребят из делегации “чилдренятами”.

“Хлопци, та я тут индийцем працюю...”

В Канаде нас возили в Торонто и к Ниагарскому водопаду. Все пели культурную эмигрантскую песню:

*Над Канадой небо синє,
Меж берѣз дожди косые.
Хоть похоже на Россию,
Только всё же не Россия.*

А потом нам очень захотелось в индейскую резервацию к угнетённым индейцам, первооткрывателям Америки и Канады. С большими предосторожностями нас привезли к резервации, которая была огорожена высоким деревянным частоколом, а у входа встречала гостей разукрашенная и разодетая в перья индейская семья с молчаливым, краснокожим вождём. Мы тихо прошли вдоль пустых вигвамов, зашли в лавку сувениров, где торговала бойкая канадка. Купили сувениры: кто маску, кто перья, а я так даже небольшое копье (хотя меня и отговаривали, что на границе отберут, – отобрали!). На выходе ещё один раз остановились, сфотографировали индейскую семью. Боря Машталярчук, главный редактор из Львовской молодёжной газеты, сделав снимок, громко сказал: “Ну, до побачинья, громодяне индийцы!” Дальше была гоголевская немая сцена из “Ревизора”. Все замерли. “До побачинья хлопци”, – изрёк вождь и добавил: Та я з Волини, тут индийцем працюю”. Даже хохота не было – все восхитились вроде бы подстроеной сценой. Но оказалось, что она не подстроена! Васыль, так звали вождя, здесь действительно работал много лет, подкрашивая себя и семью красным цветом, надевал шитый индейский костюм, брал в руки копье и стоял. Главное было не говорить. А тут душа не выдержала! На “ридной мови” с ним попрощались – как тут не заговорить индейцу!

“Техника–молодёжи”, многие наши молодёжные газеты написали об этом. Ну, как тут не написать, когда индейцы говорят на “украиньской мови”. В общем, наши люди даже индейцами працюют (работают).

Союз спасателей

В МГУ я был членом экзаменационной комиссии, но как-то забыл взять пропуск и показываю свой писательский билет охраннику, который имеет указание никого постороннего не пускать в здание. Охранник вертит билет, передает его начальнику смены и говорит: “Какой-то Союз спасателей”. Тот оказался понятливой, хотя, честно говоря, Союз спасателей мне тоже понравился.

“К топору зовите Русь!”

После того как я закончил историческое повествование “Росс непобедимый”, я принялся за “Флотоваждя” (Ушаков). Старался пошире узнать и охватить XVIII век с его бытом, хозяйствованием, культурой, литературой, русским словом, русским смехом и русской печалью. Тут неоценимым подспорьем явились “Записки Андрея Тимофеевича Болотова, написанные им самим для своих потомков”. Да какое подспорье – это просто клад для тех, кто изучал Россию XVIII века! В ответ на вопрос Екатерины II: “Кто в России лучший экономист?” – Нартов, глава Вольного экономического общества, сказал: “Мелкий тульский помещик Болотов”. Да, действительно, Болотов был фигурой выдающейся: первейший в то время агроном, селекционер, садовод (вывел 300 сортов новых ягод, фруктовых деревьев, овощей), создатель в России науки помологии (яблоневедения), учредитель двух первых экономических газет в России и т. д. Нам он ещё дорог тем, что написал 350(!) томов записных книжек о тех временах, с описанием приёмов и примеров ведения хозяйства в России, да и всей её истории того времени. Недаром Екатерина II немедленно утвердила его управляющим своим имением для графа Бобринского (её внебрачного сына от графа Орлова).

Богородицк (имение графа Бобринского) в Тульской губернии и стал эталонным хозяйственным, экономическим и эстетическим центром русской про-

винции. А Болотов – образцовым хозяином–созидателем. Болотов вдохновил меня на написание книги “Тульский энциклопедист” и издание его двухтомника. Болотовым, как и Ушаковым, я был полон.

И когда в конце 90-х Россия бурлила, искала ответы на многие вопросы, когда, казалось, вот-вот появится русский Дэн Сяопин, я думал, что нет лучшего созидательного примера в нашей истории. И на расширенном пленуме Союза писателей выступил со странным, но для меня закономерным лозунгом, навеянным Болотовым. От микрофона я буквально возопил: “К топору зовите Русь!” Зал замолчал, с левой стороны раздались аплодисменты, большая часть зала раздумывала, осмысливая сказанное. Я продолжил: “Но не к топору разбойника и ушкуйника, а к топору плотника, строителя, созидателя!”

К сожалению, общество и власть были настроены на митинг и быстрое обогащение, а труд, созидание были не главными в жизни. . .

“И умер гол, как гол родился...”

В 2012 году во время ушаковских дней на Ионических островах мы, делегация Всемирного Русского Народного Собора, были на островах Кефалония и Закинф, которые Ушаков первыми освободил в 1798 году. На этих островах решили в будущем так же, как и на Корфу, поставить памятник Ушакову. На Кефалонии же провели конференцию, посвящённую творчеству братьев Лихудов, которые в восемнадцатом веке приехали в Россию и приняли участие в создании знаменитой Славяно–греко–латинской академии. Памятник братьям Лихудам как давним друзьям России, просветителям стоит на почётном месте возле Красной площади.

На конференции в Кефалонии выступил ректор Московской духовной академии в Троице–Сергиевой лавре архиепископ Евгений. Это стало событием. Но не менее важными были и доклады греческих ученых о русско–греческих связях, о русских консулах в Греции и на греческих землях в Турции, о том, как они защищали православных греков. Странно было слышать сообщение о русском консуле Хемницере из Смирны. Пришлось лезть в учебники, хрестоматии, где Хемницер упоминается больше как писатель. Особенно известны его басни о взяточничестве, преклонении перед немцами и французами, перед вельможным бахвальством и заносчивостью. Особенно на слуху была его басня “Метафизика”, в которой сынок–оболтус учился за границей, “но сын глупее возвратился”, хотя рассуждал обо всех предметах пространно, и даже попав в яму, продолжал, несмотря на попытки отца выволочь его оттуда, рассуждать и “пустомолоть” о времени и болтать об отвлечённых понятиях. “Сиди, – сказал отец, – пока приду опять”.

Время пустомель, болтунов, напыщенных учёных, шарлатанов не прошло, и можно было бы воспользоваться советом баснописца: “Что если бы вралей и остальных собрать и в яму к этому товарищу послать”. На басню ссылался А. С. Пушкин и даже через столетие её цитировал Ленин.

Да, может быть, на этих греческих островах и сохраняется русский дух, и почитается наша литература.

А Хемницер привёз из Смирны себе эпитафию: “Жил честно, целый век трудился и умер гол, как гол родился”.

Вперёд, славяне!

После XX съезда партии чуть ли не главным грехом сталинской пропаганды стали считать лозунг времён Отечественной войны: “За Родину! За Сталина!” Одни говорили, что лозунг “За Родину, за Сталина!” кричали, когда шли в атаку, другие считали, что это выдумка. Несколько раз я обращался к фронтовикам, чтобы они высказались по этому поводу. Ответы были разные. Приведу три из них.

Один подполковник, преподаватель военной кафедры в университете, израненный в военные годы, сказал: “Знаешь, я ведь Ванька–взводный был, выскакивал в атаку из окопа, пистолет вверх, потом автомат, и кричал: “Вперёд, славяне!” А у меня во взводе русские, мордвин, хохол, два узбека, грузин, а сам я татарин!”

Известный писатель Михаил Годенко, чудом выживший при переходе нашего флота из Таллина в Кронштадт, воевал под Ленинградом, серьёзно мне

ответил: “Знаешь, мы, моряки, когда в атаку шли, не кричали “За Родину, за Сталина!”, все больше крепко ругались. Но скажи нам тогда кто-нибудь плохое слово про Сталина либо что мы терпим поражение из-за Сталина, мы бы того застрелили на месте, как геббельсовского агента”.

Генерал армии Махмут Гареев, доктор исторических наук, директор Института военной истории, на парламентской встрече в Костроме в 2011 году сказал: “Вот поднимается вопрос, чтобы не было в Москве нескольких портретов Сталина в день 9 Мая и что мы выиграли войну вопреки Сталину. Тако-го ещё в истории не было, – продолжал видный историк, боевой генерал, – чтобы войну выиграли армия и страна вопреки своему главнокомандующему. Если такое возможно и страна может обходиться без руководства, тогда зачем сегодня у нас два руководителя?”

Зал засмеялся и поаплодировал генеральской иронии...

Пространства и чистые души

В 1995 году мы проводили пленум Союза писателей в Якутии. Это было важное событие. Обсуждали впервые после распада Советского Союза вопрос о национальных литературах. Время было сложное, только что был совершён страшный захват больницы в Буденновске, горела Чечня, происходили схватки между осетинами и ингушами, да и вообще казалось, что уже новая Россия находится на грани распада. “Берите суверенитета столько, сколько возьмёте!..” Но были люди, которые думали по-другому. Так, президент Якутии Михаил Ефимович Николаев видел, что надо снова соединять народы, их культуры, литературы, если мы хотим сохранить великое государство. После разговора со мной он прислал в Москву громадный самолёт для 150 писателей страны, чтобы они прилетели и познакомились с Якутией, обсудили вопросы нашей литературы и дружбы между нашими народами. Встреча состоялась острая, но живительная. После Орла и Якутска стало ясно, что литература наша, Союз писателей восстанавливаются, что страна, великая страна живёт.

Провели пленум, познакомились с работой Академии наук, университета, школы, побывали в храмах, во многих районах (улусах).

Потом проплыли на пароходе по Лене. Зрелище было незабываемым и осталось в памяти на всю жизнь. Пароход шёл три дня. На третий день утром рано я вышел на палубу, все спят, а там стоял Борис Леонов, известный критик, писатель, преподаватель Литинститута. Была у него одна шуточная страсть: он чрезвычайно точно копировал голос Леонида Ильича Брежнева. В застолье рассказывал о нём незлобивые смешные истории, возможно, сам и придумывал многие из них. Говорил, что об этом “органы” доложили Брежневу. Тот якобы спросил: “Но он не кощунствует?” – “Нет, не кощунствует”. – “Ну, и ладно, пусть себе продолжает, только аккуратно”. Тут в Якутии народ над добрыми шутками и пародиями Бори посмеялся, все ещё хорошо помнили Брежнева.

Утром Боря молчал, с восторгом смотрел по сторонам. А слева и справа берегов до горизонта почти не видно. Как говорится, ширь необъятная. Боря засунул руки в карманы и, слегка покачиваясь, сказал язвительно:

– Вот за это они нас и ненавидят!

Было почти ясно, кто именно нас ненавидит.

В конце пленума небольшой группой участников мы полетели в южный для Якутии, молодой, недавно возведённый шахтёрский город Нерюнгри.

Город был красивый, ухоженный, современный – ещё недавно, во время строительства он был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Зашли в новый храм. Думали, конечно, что народу там нет, – ведь молодёжная стройка! А в храме полно народу. Удивляемся, спрашиваем у батюшки: “Откуда народ-то?” Батюшка улыбнулся: “Народ-то чистый приезжал, по путёвкам, лучшие, с верой в лучшее будущее, с чистой душой. С ней и в храм пришёл. Молимся. Многие из них сегодня очень усердные верующие христиане”.

Народные артисты на два часа

В Софии во время заседания советско-болгарского клуба творческой молодёжи нас принимали на горе Витоша, господствующей над столицей. В гости пришёл руководитель Болгарии Тодор Живков, который пел с нами совет-

ские песни, особенно песни времен Великой Отечественной войны. Через пару лет мы с Володей Токманём проходили вечером мимо резиденции глав государств соцстран, приехавших в Кремль на совещание, и то ли от бесшабашности, то ли от хороших взаимоотношений с болгарами решили зайти к болгарам и поблагодарить Тодора Живкова за хорошее отношение к советско-болгарскому клубу. Естественно, охранник нас туда не пустил, но находившийся во дворе в тот момент помощник Живкова Д. Методиев, закончивший наш Литературный институт, закричал: “Валерий, Володя, заходите!” – а охраннику для убедительности сказал: “Это народные артисты”.

Хотя и с недоверием, но нас пропустили. Нас приветствовал сам Живков: “Слава народным артистам!” Пришлось подтверждать звание, тем более что Живков узнал нас и снова стал петь песни военных лет. И хотя голоса наши на артистические не походили, но слова песен мы знали и пели громко. Из резиденции нас отвезли на представительской машине, благо, мы жили рядом, возле Дворца пионеров.

Не знаю, проверяла ли охрана потом списки народных артистов СССР, но мы с Володей два часа в этом звании пробыли.

Хинкальная спасёт

Заседания советско-болгарского клуба в 1971 году проходили широко и раздольно в Тбилиси, Боржоми, Батуми, Ростове.

В Тбилиси первый секретарь ЦК партии, типичный форсистый кавказец Мжаванадзе тепло встретил представителей болгарской и советской стороны, принимал с размахом, рассказал о безграничном гостеприимстве грузин, отправил всех в Боржоми и Батуми, от красного вина, казалось, никто из нашей делегации и не очухается. Но богатый опыт болгар, а в первую очередь – грузин, показал нам верный путь. В шесть часов утра в комнату решительно постучал Резо Амашукели – грузинский писатель, но главное – князь, что для нас в ту пору было не только необычно, но и служило устрашающим фактором или, в лучшем случае, юмористическим символом. Он сказал: “Срочно поднимайся, а то все места займут!” – “Что, куда, какие места?” – “Эх ты, – с превосходством цивилизованного грузина возвестил Резо, – в хинкальную”.

Мы куда-то спускались, потом свернули в переулок и зашли в большое помещение, где было, по крайней мере, столов тридцать. И почти все они были заняты. Но князя ждали, нас провели за центральный стол, и через три минуты появилось дымящееся варево. Это было знаменитое блюдо из потрохов! С недоверием мы взяли за ложки. И через две-три минуты гудение в голове прекратилось, мусть отступила, появилась ясность сознания и трезвость мысли. Это начал работать суп из потрохов, который обладал непознанным для нас тогда свойством – отрезвлял, облагораживал, даже возвышал организм. Слава супу из потрохов! Все сто сидящих за столом участников клуба стали благодаря хинкальной свежими огурчиками... Действительно, грузины гостеприимные люди!

В библиотеке

Князь продолжал шефствовать над нами. Он рассказал залиvistую грузинскую историю, которая, если честно говорить, могла произойти и в любом другом месте:

“Мишо и Георгий поспорили. Мишо твёрдо сказал Георгию: “Ты меня в родном селе не найдёшь!” Георгий засмеялся: это он-то, который знает все дома и закоулки! И предложил поспорить на ящик коньяка. Мишо таинственно улыбнулся и сказал: “Через десять минут ищи меня”. Прошло десять минут, и Георгий стал прочёсывать всё село. Минут пятнадцать прошло, тридцать, сорок, час. Мишо не был обнаружен. Георгий ещё немного поискал и закричал: “Мишо, выходи! Я проиграл”. Когда Мишо появился, Георгий ещё раз подтвердил, что ящик коньяка за ним. “Но скажи, где ты прятался?” Мишо победоносно ответил: “В библиотеке!!!” Да уж, тут Георгий никак не ожидал увидеть Мишо”. Да и мы кое-кого не ожидаем увидеть в библиотеке.

Сознание “От глыбыны кишени”

Союз писателей России и Шолоховский комитет в 2012 году решили поддержать перевод “Тихого Дона” на украинский язык, ибо он давно не издавался на “мове”. Способствовало этому и то, что мать Шолохова была из семьи выходцев с Черниговщины. Естественно, украинцы этим гордились. В 2013 году перевод Владимира Середина был закончен, а Шолоховский комитет (Андрей Черномырдин) за свой счёт издал в Киеве выдающееся произведение. На презентации перевода собралось в парламентской библиотеке множество людей, выступали известные писатели Борис Олейник, Иван Драч и другие, доктора наук, директора институтов Кононенко, Солдатенко, бывший президент Кучма и многие другие. Выступления были и на книжной выставке, где мне запомнилось выражение драматурга и писателя, что у некоторых украинских богатеев такие проявления сознания идут “не от глыбыны души, а от глыбыны кишени” (кошелька).

Ждём освобождения с неба

Бывший первый секретарь Полтавского обкома партии Фёдор Трофимович Моргун приглашал меня в область не раз, чтобы показать “битву за урожай”. Делал он это с размахом, собрав буквально отряды комбайнёров и бросив их на уборку. За несколько дней весь урожай зерновых был убран, а Моргун знал всех комбайнёров по имени-отчеству и награждал их.

Времена наступили новые, Моргун стал министром экологии Советского Союза, строил обширные планы, приглашал часто писателей для беседований и советов. Но внезапно все изменилось: СССР распался, и Моргун остался не у дел. Но была у него неистребимая страсть: он на всех уровнях пропагандировал безотвальный метод вспашки, “безотвалку”. И тут его пригласил консультантом в область самый мобильный и пылливый губернатор в России Евгений Степанович Савченко из Белгорода. Фёдор Трофимович там и консультировал, наезжая на Полтавщину оттуда. Он настойчиво приглашал и меня в Полтавскую область на знаменитую, воспетую Гоголем Сорочинскую ярмарку.

Вот в 2009 году мы и выбрались с академиком Анатолием Цыбом, директором Обнинского международного радиологического медицинского центра, моим одноклассником по Комышнянской сельской школе на Полтавщине (вот каких людей давала советская сельская школа!).

Мы приехали и вместе с Моргунем обошли всю Сорочинскую ярмарку. Отовсюду неслись ему приглашения заходить. То один, то второй – да многие вспоминали: “А помните, Фёдор Трофимович, как вы прилетали к нам на вертолёт и сняли у нас голову (председателя) колхозу (колхоза)”.

Фёдор Трофимович таинственно улыбался и ничего не говорил. Лишь после сказал мне: “Валерий, я ни разу не летал над областью на вертолёт. А голову колхозу только одного снял, и то на бюро...”

Всё-таки как сильна в народе вера, что высшая справедливость и власть нисходит сверху, почти с небес, и карает нерадивых. Хорошо бы...

Голосуем: “Кто народный поэт России?”

Артист, поэт, “певец во стане русских воинов”, как мы его называем, всеобщий народный любимец Михаил Ножкин начинал по внешним признакам как диссидент или в таковые его хотели зачислить.

Кончается 1964 год. Московскую молодёжь впервые пригласили в Кремль, в недавно открытый КДС (Кремлёвский дворец съездов) на новогодний бал. Событие это было невиданное. В вихре вальса закружились молодые люди по залам.

Звонок, заходим в зал на концерт, выступают заслуженные и народные. Публика щедро аплодирует. Объявляют: “Артист Московской эстрады Михаил Ножкин!” Кто такой? Спрашиваю у соседей справа и слева. Один ответ: да это какой-то бард (слово это только входило в моду). Он запел, зал замер: невиданный мотив, слова и голос для откалиброванного Дворца Кремля: “А на кладбище все спокойненко, удивительная благодать!” Публика задвигалась, начали подпевать, хотя слов не знали. Но это было необычно, с вызовом и

какими-то намеками на наши порядки, которые омертвляли жизнь. И-и-и, что тут началось! Зал вскочил, зааплодировал, зашумел, выкрикивал: “Ещё, ещё...” Минута, две, три, пять... Объявить следующий номер не дают... Наконец, как рассказывал позднее Михаил, его выпустили: “Спой ещё одну, ну, и хватит!” Михаил вышел и для успокоения аудитории спел песню “Нам нового начальника назначили”. А это было как раз после недавнего освобождения Хрущева и отправки его на пенсию. Тут уж был хохот, снова аплодисменты и даже свист. Махмуд Эсамбаев, чеченские пляски которого встречали неизменные восторги публики, только после долгих уговоров, в том числе и Ножкина, вышел на сцену. Но зал ещё бурно переживал Мишино выступление.

Михаила Ножкина, конечно, с тех пор в КДС не пускали, да и вообще пытались отлучить от эстрады. Но он, как неунывающий человек, стал знаменитым киноартистом, вместе с Соловьёвым-Седым написал музыкальную комедию, стал писать сценарии. Да вот и в тяжёлые ельцинские времена стал необходим на концертах десантников, соборовцев, грушников, моряков и уже к своему юбилею был допущен во Дворец съездов.

А я в 2012 году написал предисловие к его двухтомнику и приветствовал его в Колонном зале Дома Союзов, бывшего ранее Дворянским собранием.

В переполненном зале я выступал первым, высоко оценил его творчество и обратился к аудитории с одной просьбой. Дело в том, что на все просьбы Союза писателей России, на его обращение по поводу введения звания Народный поэт (или писатель) России власть отвечала резким и быстрым ответом: “Нет!” Внятных аргументов против, конечно, не было. Народный артист есть, народный художник есть, а писателя, да ещё русского, признать народным властью боится. А между тем, народные поэты и писатели есть в Дагестане, Чеченской республике, Татарии, Башкирии, Бурятии, Якутии и в других бывших автономиях, только в России народных писателей и поэтов нет.

Поэтому я и обратился к публике, объяснив всё это залу, с предложением объявлять звание “Народный поэт России” голосованием, и начать это с Колонного зала, где демократически решали свои вопросы до революции дворяне, а после неё — профсоюзы. Здесь же проходил I съезд писателей СССР. Зал, аудитория, на наш взгляд, как сегодня любят говорить, репрезентативна, а потому: “Кто за то, чтобы объявить Михаила Ножкина народным поэтом России?” Зал бурно зааплодировал, но я продолжил: “Давайте, друзья, демократическим путём будем голосовать: кто за присуждение звания “Народного поэта России” Михаилу Ножкину, прошу голосовать!” Лес рук. Но я не завершил процедуру: “Кто против?” Громкий смех, кто-то предложил: “Вывести из зала!” Таковых не оказалось, так же никто не воздержался. Я подвёл черту: “Прошу следующие номера вечера объявлять так: “Выступают народный поэт России Михаил Ножкин!” Снова буря аплодисментов. А если честно говорить, Михаил давно народный поэт России.

А не лучше ли начать с Нарыма?

Народный артист Сергей Столяров, принимавший с нами участие в работе Советско-болгарского клуба творческой молодёжи, красавец, довоенный и послевоенный любимец зрителей, да и самого Сталина, любил рассказывать нам артистические истории. Так, артист Геловани, который играл роль самого Сталина, попросился через Кагановича побывать у Сталина дома, в семье. “Для чего?” — спросил Иосиф Виссарионович. Каганович отвечает: “Ну, наверное, чтобы лучше вжиться в образ, лучше сыграть вас...” Сталин попытался трубочкой и сказал: “А не лучше ли ему начать с Туруханского края?” (место ссылки Сталина).

Больше Геловани уже не стремился “вжиться в образ”...

В электричке. Одна законная, другая легитимная

В 1986 году мне дали общественную, временную писательскую дачу в Перedelкино, в домике, где в своё время жил поэт Степан Щипачёв, известный по культовому тогда стихотворению “Любовь — не вздохи на скамейке...”, которое он недурно заканчивал: “Любовь с хорошей песней схожа, // а песню нелегко сложить”. Все это стихотворение знали.

Из Переделкино мы ездили на работу на электричке, машин, конечно, у нас не было. Но электричка была вполне удобным транспортом, в котором можно было и почитать, и услышать массу интересных разговоров.

Однажды, когда я зашёл в вагон, два мужика переспросили: “Это что? Какая станция?” – “Переделкино”. Второй спрашивает у первого: “Ты бывал в Переделкино?” Тот говорит: “Нет!” – “Какой посёлок! Какой посёлок! А люди, какие люди!” Казалось, после таких слов он скажет что-то замечательное об этих людях, а он закончил: “Подлец на подлече!” Да, крепко надо было насолить мужику, чтобы он так отозвался о людях.

В начале перестройки пришли новые нравы, новые слова в общество. Захожу в вагон, сидит парень, с двух сторон от него сидят молодые женщины, а его руки уверенно покоятся на их округлых плечах. Расположившаяся напротив бабка говорит ему: “Что ты двух-то обнимаешь сразу? Они что, твои?” Парень, не смущаясь, похлопывая по-хозяйски обеих, говорит: “Бабка, у меня одна – законная, а другая – легитимная”.

Бабка этих новых терминов не понимала, плюнула и пересела на другую скамейку.

А кукушка всё кукует

Напоследок одна встреча в Калуге. Проводим пленум Союза писателей. Выступаем в Филармонии. Приветственное слово говорит губернатор Артамонов, выступает владыка Климент. Вышел и я – поблагодарить. Пленум был содержательный, говорили о делах литературных, называли новые имена, не забывали и старые. Говорили о фантастически богатой истории Калужской земли. Тут и Оптина пустынь, и Полотняный Завод, где бывал Пушкин, и родина маршала Жукова, и город Циолковского, тут литературная Таруса и легендарный Малоярославец, где фактически был разгромлен Наполеон. Я почти всё это упомянул, но сказал, что тут ещё особый чистый воздух, успокаивающая атмосфера.

“Вот вы поселили нас в коттеджах за городом, где пели птицы. Когда я зашёл в дом, то услышал, как кукует кукушка. И хоть при моих годах рискованно задавать детский вопрос, я не удержался и спросил: “Кукушка, кукушка, сколько мне лет осталось жить?” Особенно в приметы я не верю, но всё-таки... Кукушка кукует, считаю: раз, два, три, четыре, пять... Ну, хорошо, думаю, а она кукует дальше: шесть, семь, восемь, девять, десять... Отлично! Она продолжает: одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... Что может быть лучше! Застилаю кровать, ложусь, она кукует: шестнадцать, семнадцать... двадцать, двадцать один... двадцать пять. Спокойно засыпаю”. Зал захохотал, улыбнулся губернатор, похлопал владыка. А я продолжаю: “Проснулся, а она всё кукует...” Все заплодировали.

Так и я желаю всем читающим эту книгу, чтобы кукушка куковала вам долго, не уставая.